Вера
КРЫЖАНОВСКАЯ

Сочинения

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер
Мертвая петля

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=657305
Мертвая петля: Скиф; Рига; 1931

Аннотация

Социальный памфлет, рисующий опасности неприемлемого для автора немонархического пути развития.

Содержание

Глава I	4
Глава II	17
Глава III	34
Глава IV	51
Глава V	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Вера Ивановна Крыжановская
Мертвая петля

К 75-летию ухода из жизни В. И. Крыжановской

«Я-то спою, исполню свой долг, сказал петух, – а рассветет или нет, это – уж не от меня зависит». ***(Грузинская пословица).***

Глава I

На Большом проспекте Петербургской стороны стоял старинный каменный двухэтажный дом с садом.

Очевидно, в нём давно не было никакого ремонта, и дом имел запущенный вид; из под обсыпавшейся штукатурки на стенах кое-где выглядывали кирпичи, а украшавшие ворота и поддерживавшие герб с княжеской короной кариатиды выветрились, почернели и стояли с отбитыми носами.

Был холодный и мглистый октябрьский день. Ворота дома были открыты настежь, а за ними виднелся большой мощёный двор и подъезд с двумя фонарями на каменных колоннах, бывших когда-то белыми, но теперь ставших грязно-серыми.

В глубине двора, у чёрного входа, собралось несколько человек прислуги, оживлённо разговаривавших. Там был дворник в полосатой шерстяной фуфайке и с метлой в руках, швейцар, лакей в сильно поношенной ливрее, конюх и повар в колпаке и фартуке сомнительной чистоты. Они окружили и слушали молодого плутоватого лакея, который громко разглагольствовал.

– А я вам повторяю, что то – правда. Голову даю на отсечение – не нынче завтра про то объявка будет. Кто хочет со мной об заклад биться на бутылку шампанского, которую я беспременно сопру в обручение? – нагло усмехаясь, закончил лакей.

– С ума ты спятил, Петр! Подумай только, что городишь. Статочное ли дело, чтобы князь Пронский, большой барин, вельможа, можно сказать, отец пятерых детей, и женился на жидовке? Ведь срамота-то какая, подумай, да стыд для всего семейства! Нет, про то подумать невозможно! Ты что-нибудь путаешь, – ответил старый лакей.

Его озабоченное, морщинистое лицо даже покраснело от негодования.

– Эх, Прокофий Емельяныч! Как вы, значит, тридцать с лишним лет в доме прожили, да лучшие времена видывали, так вот вы и не можете к разорению господ привыкнуть. А я вам то, верно говорю, что к свадьбе идёт. И дивиться тут нечему, когда об наших делах помыслишь. Всюду долги: дом заложен и последнее именьешко продано; а векселя да

исполнительные листы так дождём и сыпятся. По всем, как есть, магазинам задолжали. От таких делов и на самой чёртовой прабабушке женишься.

– Ещё бы, – вмешался повар, размахивая ложкой, которую держал в руках. – В мясной забрали больше трёхсот рублей, и того гляди, креди закроют, а в молочной и зеленной тоже давно не плачено. А какое у нас меню? Тьфу! Разве это обед в княжеском доме? Коли перемены не будет, я двадцатого числа от места отказываюсь. Право, стыдно нос показать в лавке. Да я сам за последний месяц жалованье не получал.

– Всё равно как я, – со вздохом проворчал швейцар. – Мне ещё за два месяца должны. Ливрея вся сносилась; полюбуйтесь, какую заплату мне жена на локтю поставила; даже не отдали портному в починку. Кабы не дети, да большая комната с кухней, я бы давно ушёл.

– Очень просто, что убежишь от энтакого дома. Работы сверх головы. Вот уж пять часов, а у меня куска во рту не было. Даже и «чаев» нет, потому никто из настоящих господ к нам не ездит, – презрительно прибавил Петр.

– А что это за жидовка такая? С толкучки что ли? – осведомился Прокофий, слушавший молча и грустно понурив голову. – Там из старьёвщиков есть очинно богатые! Вот, к примеру, Мовша Майдель, у которого я пальто и другие вещи покупаю, большие деньги имеет, да и дочь у него, кажется, есть.

– Вот ещё! Что выдумали! – захихикал молодой лакей. –

Нет, наша будущая княгиня другого сорта; ейный «тателе» миллионщик, банкир Аронштейн, а она у него единственная дочь. У одного из братьев в Киеве огромадный сахарный завод; а другой Аронштейн богатющий лесоторговец в Вильне. Я его знаю, он теперича здесь. Его камердинер мне двоюродным братом приходится; вот он то мне и рассказал все новости.

– Как же это князь может жениться на жидовке, когда наш закон запрещает нехристей за себя брать? – не сдавался Прокофий, хватаясь за это соображение, как утопающий за соломинку. На это Петр в ответ только презрительно свистнул.

– Ну, это свадьбе не помеха. Она крестится, только и всего. Вообче, почтеннейший Прокофий Емельяныч, всему этому тиранству, на счёт веры, конец приходит. Не дальше как позавчера я слышал, как барин с сенатором Алымовым о том говорили, что в Питере это – решенное дело, и что будет объявлена свобода веры; тогда всякий женится на ком угодно, даже веру себе выберет кто какую захочет. Я вам предсказываю так же верно, как прозываюсь Петром Биелковским, что тогда много русских перейдёт в нашу свенту виру католическу!

– То правда, – поддержал его повар, заядлый поляк и фанатик, подобно Петру. – Потому наша вира католическа – панска вира, а ваша православна – хамска для быдла, для голодрапанцев.

Оба поляка были рады задеть за живое их непримиримо-

го врага – Прокофия, не менее стойко защищавшего всегда своё православие, национальность. Но тот, в ответ на оскорбление, плюнул в сердцах повару в лицо и пошёл в дом.

– А, пшеклентый москаль, – заревел повар, бросаясь ему во след с поднятой ложкой в руке, – ты за это поплатишься.

Ссора, вероятно, закончилась бы свалкой, в которой принял бы участие и конюх с вожжами в руках, но в это время лихач влетел в ворота и остановился у большого подъезда. Люди поспешно разошлись.

– Папа дома? – спросил приехавший на извозчике юный камер-паж.

– Никак нет! – Его сиятельство в десять утра изволили выехать, – ответил Петр, помогая ему выйти из экипажа.

Прибывший был юноша лет девятнадцати, высокий и стройный, с густыми белокурыми волосами и темно-карими глазами, казавшимися почти чёрными. В эту минуту он был, по-видимому, чем-то взволнован и озабочен.

Расплатясь с извозчиком, он вошёл в обширную прихожую с колоннами и стал подниматься по широкой лестнице, без ковра, украшенной двумя белыми мраморными вазами, предназначавшимися для цветов или растений, но теперь пустыми. На первой площадке лестницы стояло большое зеркало в роскошной, но почерневшей от времени раме, а рядом бронзовая статуя женщины, державшей лампу.

Паж поднялся во второй этаж и длинным коридором прошёл в просторную и запущенную комнату, с двумя венеци-

анскими окнами в сад. Мебель была золочёная, крытая старым, выцветшим штофом; письменный стол и пузатая шифоньерка, в стиле Людовика XVI, украшенные бронзой и медальонами, были верхом изящества; потолок был расписной и лепной. Через открытую, красного дерева дверь видна была спальня с большой постелью, драпированной голубым на оранжевой шелковой подкладке штофом; стены были расписаны амурами и гирляндами. Но всё это как-то завяло, выцвело, износилось и говорило о минувшей роскоши и погибшем богатстве, которое теперь своими блестящими обломками прикрывало всюду проглядывавшую нищету. Белесоватый полусвет тёмного октябрьского дня только усиливал это мрачное и тоскливое впечатление, рассеять которое не мог яркий огонь, пылавший в камине.

Юноша снял каску и шпагу, расстегнул мундир и, усталый, опустился в кресло. Он так крепко задумался, что не заметил, как вошёл старый лакей и поставил подле него на стол поднос с чаем, хлебом, маслом и сыром.

– Не угодно ли испить стаканчик горячего чайку? Погода нынче студёная.

Паж вздрогнул и выпрямился.

– А, это ты, Прокофий? Спасибо, старый друг, но чаю я не хочу. Скажи-ка лучше, знаешь ли ты, что здесь творится… насчёт отца, – добавил он с усилием. Старый слуга смутился.

– Болтают разное, – нерешительно, вполголоса ответил он. – Да я поверить не могу, чтобы его сиятельство забыли,

кто они…

Старик запнулся, увидав, что молодой князь закрыл лицо руками и тяжело вздохнул.

Настало молчание, как вдруг отворилась дверь из коридора, и на пороге далась молоденькая, лет восемнадцати, девушка, которую по сходству с пажем можно было принять за его сестру.

Она была стройна и тонка, с дивным цветом лица и большими, чёрными, как у газели, глазами; густые, золотисто-каштановые волосы, заплетённые в две косы, падали ниже колен.

По-видимому, она тоже была в сильном волнении: щеки её пылали, и глазки горели. Девушка бросилась к брату, схватила его за руку и заговорила, торопливо задыхаясь:

– Арсений, если бы ты только знал, что мне сегодня сказали в консерватории! Одна из учениц моего класса, Айзенберг, понятно еврейка, объявила. что папа женится на её кузине. Я ответила, что она лжёт и что никогда жидовка не будет княгиней Пронской, но тогда Китти Бахтина подтвердила её слова и сказала, что в свете тоже все говорят про этот брак. Я не могла от волнения кончить свой урок и тотчас же уехала домой; да и теперь ещё вся дрожу… Какой позор!

Её душили слёзы и, опустясь в кресло, она судорожно зарыдала. – Ninon, Ninon, успокойся, – бросился утешать её брат и, встав на колени около неё, обнял сестру.

– Ну, не плачь-же, дорогая! Это неправда, это пустая

сплетня. Сестра положила голову на плечо брата и закрыла глаза; но вдруг выпрямилась и сказала сквозь слёзы:

– Знаешь, что? Пойдём к бабушке…

– Да, пойдём и расскажем ей всё.

– В эту минуту раздался стук колёс у подъезда, и молодые люди вздрогнули.

– Это папа! Идём скорее, чтобы с ним не встретиться, – торопливо пробормотала княжна.

И они пустились бежать по коридору. Затем, через скрытую в стенной резьбе дверь, брат с сестрой выскочили на лестницу и оттуда шмыгнули в другой коридор, который привёл в гардеробную, где дама в тёмном платье прибирала в стенной шкафчик разные коробочки и склянки с лекарствами.

– Фрейлейн Амалия, бабушка не спит? – спросил Арсений.

– Нет, княгиня встала, – приветливо ответила им компаньонка, жившая в доме больше двадцати лет и знавшая детей с рождения.

Соседняя с гардеробной спальня была пуста и освещалась лишь горевшими перед большим киотом лампадами, но через полуоткрытую в другую комнату дверь пробивался свет. Вдруг Арсений, схватив сестру за руку, остановил её и приложил палец к губам; в комнате, рядом, хлопнула дверь, и послышался звучный голос отца:

– Я не беспокою вас, maman?

– Нисколько, мой дорогой. Милости просим. Я ещё не видала тебя сегодня.

Бесшумно подкрались молодые люди к двери и, притаясь в складках опущенной портьеры, заглянули в комнату, где их бабушка, Евдокия Петровна Пронская, сидела в кресле у стола.

Худое и бледное лицо старой княгини сохранило следы редкой красоты. Её большие голубые глаза смотрели молодо и умно. Серебристо седые волосы прикрывала кружевная косынка; широкий шёлковый капот вырисовывал стройный ещё стан, а руки, которые перебирали в корзинке шелка и шерсть, были красивы и белы, как у молодой женщины.

Князь-отец был человек лет под пятьдесят, но казался гораздо моложе. Высокого роста, худощавый и стройный, он очень походил на мать; у него были такие же, как у неё, голубые глаза и тот же холодно гордый вид. Чёрные, чуть серебрившиеся на висках и бороде волосы, придавали ему моложавость, что противоречило общему усталому выражению его лица. От него веяло бесспорным, врождённым благородством.

Поцеловав руку матери, он сел у стола и слегка дрожавшей рукой подвинул шёлковую бабочку на абажуре так, чтобы его смущённое лицо осталось в тени.

– Ну, что же, мой милый? Ты словно хотел мне что-то сказать, – спросила княгиня, удивлённо и беспокойно смотря на озабоченное лицо сына, который нервно крутил усы.

Князь встал и, заложив руки в карманы, прошёлся по комнате, а затем остановился перед матерью.

– Дорогая maman, я должен сообщить вам нечто, очень важное, – решительно сказал он.

– Боже мой! – испугалась княгиня. – У тебя снова денежные затруднения? Или тебе отказали в обещанном месте губернатора, и нужно дом продать?

– Ничего подобного. Напротив, я избавлен на будущее время от всяких материальных забот, могу дать детям блестящее воспитание и поддерживать Арсения в гвардии; а что касается губернаторства, то оно теперь за мною вернее обеспечено, чем когда-нибудь. Короче говоря, я получил сегодня 250,000 и через три недели получу ещё столько же. Правда, что жертва, которую я для этого приношу, громадна и очень тяжела для самолюбия всех нас, но… – он на минуту остановился, – я должен был это сделать и жертвую собою, чтобы спасти семью. Не могу же я, в самом деле, мести улицы ради куска хлеба!…

– Что же это за сделка, давшая тебе такие деньги и которую ты считаешь тяжёлой жертвой?

– Женитьба, – коротко и строго ответил князь.

Лицо княгини густо покраснело и потом побледнело.

– А, понимаю: какая-нибудь московская купчиха староверка? Да, признаюсь, это тяжело!

Князь тяжело вздохнул.

– Нет, maman. Та, к которой я вчера посватался, – дочь

банкира Моисея Аронштейна, Сарра. Впрочем, отец позволяет ей креститься, и она принимает лютеранство.

Княгиня стремительно встала, и корзинка с работой полетела на пол. Лицо её побледнело, а губы так дрожали, что она не могла говорить. Испуганный князь поддержал её и хотел усадить в кресло.

– Maman, придите в себя.

Но княгиня оттолкнула его.

– Жидовка?.. Ты, князь Пронский, женишься на жидовке… Ложь!.. – почти крикнула она и бессильно упала в кресло, как подкошенная.

– Будьте же рассудительны, maman! Вы ослеплены отжившими предрассудками. которые в наше время не имеют никакого смысла.

– Не имеют смысла? – И княгиня сухо рассмеялась, а лицо её снова побагровело. – Ты сам слеп, если не понимаешь, что кровавыми слезами заплатишь впоследствии за совершаемую тобою подлость. Да, подло связываться с мерзким племенем, врагом всего христианства и пьющим христианскую кровь, – задыхаясь, продолжала она. – Этим ты не только оскорбляешь память твоей покойной жены, но осквернишь душу своих детей, сделаешь свой дом очагом всяких преступлений и бесчинств, потому что этот ненавистный всем народ, не имеющий ни отечества, ни нравственных начал, где бы ни поселился, всюду подрывает веру, честь и благосостояние приютившей его страны. Тебе хорошо известно,

что теперь они ополчились на нашу несчастную Россию, и в такую-то именно минуту ты избираешь, чтобы продать им себя! Ведь, как только эта проклятая баба переступит твой порог, вся орава её родни облепит тебя и не выпустит из когтей, пока твоё древнее имя не будет затоптано в грязь, честь твоя поругана, а сердце и душа твоих детей заражены. Опомнись, Жорж? Швырни им их Иудовы сребряники, за которые они покупают твой княжеский титул, а тебя обращают в рабство. Пусть лучше мы будем бедны, продадим всё, что есть, но только – не этот позорный торг. Никто из нас роптать не будет. Арсений пойдёт по иной дороге, Ninon станет работать…

В эту минуту следившие за разговором Арсений и Нина стремительно кинулись в комнату и упали перед отцом на колени.

– Папа, папа, не делай этого, не давай нам такой мачехи, – со слезами говорили они.

Князь побледнел и попятился. Голос его стал хриплым от волнения, когда он резко оттолкнул руки детей.

– Оба вы глупы и воспитаны в глупых предрассудках. Евреи – такие же люди, как и все, а моя невеста – развитая и вполне воспитанная девушка. Наконец, раз я дал своё слово, стало быть всё бесповоротно решено; а вы примите вашу belle-mere (Перев., – мачеху) с должным уважением, которого она вполне заслуживает. Вот моё последнее слово… Он почти выбежал из комнаты, громко хлопнув дверью. Старая

княгиня вскочила со своего места, протянула руки, словно пытаясь удержать сына, и сделала несколько шагов, но вдруг зашаталась и замертво рухнула на ковёр.

– Бабушка, бабушка, не умирай!.. Ты – наша единственная опора, – крикнула Нина, бросаясь в испуге к Евдокии Петровне, которую Арсений старался приподнять.

Из гардеробной прибежала привлечённая шумом фрейлейн Амалия и помогла князю с княжной перенести бабушку на кровать.

Глава II

Весь бельэтаж громадного дома на Сергиевской был ярко освещен, сквозь кружевные занавеси больших зеркальных окон видны были горевшие тысячами огней громадные люстры и движение нарядной толпы; швейцар еле успевал отворять двери гостям, подъезжавшим кто в собственных экипажах, кто на извозчиках, а то и просто приходившим пешком.

Дом принадлежал миллионеру, банкиру Моисею Соломоновичу Аронштейну, который праздновал в кругу близких помолвку своей единственной дочери с князем Пронским. Ему хотелось теперь хвастнуть своим торжеством перед многочисленной роднёй, давно сторожившей великое событие обручения Сарры с титулованным «гоем», попавшим, наконец, в их сети.

Аронштейны были родом из Вильны и вышли из еврейской голытьбы. Дед их был мелким фактором, отец сначала держал на пограничной станции меняльную лавочку, но затем, путями, ведомыми одним евреям, быстро разбогател. Умирая, он оставил своему сыну, Моисею, банкирский дом в Петербурге, а прочим сыновьям и дочерям хорошее состояние, которое они приумножили в свою очередь.

В этот день вся семья, за малым впрочем исключением, была в сборе. В кабинете хозяина собрались мужчины: два

его брата, Аронштейны из Киева и Вильны, три зятя Мандельштерны из Варшавы, Катцельбаум из Бердичева и Бернштейн из Одессы, брат m-me Аронштейн, рожденной Эпштейн, и ещё трое молодых, из которых один был адвокат, а двое – студенты университета. Кроме близких, тут был раввин и несколько друзей.

Собрание было типичное. Несмотря на изысканные костюмы и роскошь окружавшей обстановки, пошлость этих господ с размашистыми манерами била в глаза; жаргон, употреблявшийся в своем кругу, звучал несносно крикливо, потому что многие говорили зараз, стараясь перекричать друг друга. Наконец, ни куренья, ни духи не могли заглушить тот специфический запах, который еврей, подобно негру, распространяет вокруг себя, и в кабинете стоял тяжёлый, неприятный воздух.

Разговор шёл шумный и оживлённый, потому что речь коснулась политики, а настоящее положение дел и планы на будущее страстно увлекали собеседников.

Поднят был жгучий вопрос о еврейском равноправии, и обсуждавшиеся способы скорейшего достижения этой, страстно желанной цели, вызывали горячие споры. Самым страстным из говорунов был адвокат Аарон Катцельбаум. Ни на какие уступки он не шёл и громко заявлял, что народ их тогда только займёт положение, принадлежащее ему по праву и соответствующее его энергии, жизненности, работоспособности и культурно-либеральным стремлениям, когда

министры будут из евреев и возьмут в твёрдые руки бразды правления, когда в армии и во флоте израильские генералы станут начальствовать наравне с христианами и когда во всём государственном управлении влияние еврейства будет преобладающим.

– Это и есть та, конечно, цель, к которой мы должны стремиться и которую достигнем непременно, потому что гои сами расчищают нам дорогу своей продажностью, низостью и постоянной, губительной для них же рознью. Тем не менее, такое грандиозное предприятие должно быть исподволь и тщательно подготовлено: чтобы разрушить здание, надо прежде подрыть фундамент и расшатать стены, – заметил старый Бернштейн и затем с довольной улыбкой продолжал:

– Без всякого преувеличения теперь уже можно сказать, что труднейшая часть этой подготовительной работы закончена. Обеднение и упадок дворянства идёт своей дорогой, денационализация, на подкладке либерализма и равнодушия к вере, подвигается исполинскими шагами, захватывая высшие классы, школы и рабочую массу, т. е. армию будущей революции. Наконец, самое трудное – несправедливое и возмутительное предубеждение против нас, которое выросло на почве долгих веков нашего унижения, скоро исчезнет.

– Исчезнет?! Нет, мало! Этот предрассудок надо обернуть против них: мы должны презирать наших гонителей, дать им почувствовать наше отвращение, нашу ненависть и доказать, что низшая раса это – они! – крикнул один из студентов, по-

трясая кулаком.

– Ша-а-а! Ша-а-а! – успокаивал его с громким смехом Бернштейн. – Ох, уж эта молодежь! Не умеет она ждать терпеливо. Разве ты не понимаешь, сыночек, что прежде чем достичь чего желаешь, надо обезоружить гоя, усыпив, если не убив, в нем недоверие к нам; словом, надо довести его до того, чтобы он считал нас равными себе. В этом отношении смешанные браки – превосходное средство и оказали нам неоценимые услуги. Многие Дочери Израиля повыходили замуж за знатных людей, даже сановников Империи, и деятельно расчищают дорогу своим братьям. С другой стороны, и христианские женщины, даже из дворянской среды, потеряли то отвращение, которое им внушал еврей. Наши артисты обладают секретом воспламенять их страсти, и вот княжны с графинями весьма охотно роднятся с нами. Эти глупые гои стараются отрывать от нас наших единоверцев и по-детски радуются, когда им удастся совратить кого-нибудь из нас в христианство; а между тем, они не замечают, что мы ведь тоже миссионерствуем, и притом несравненно с большим успехом. Не далеко уже то время, когда вся, так называемая, «интеллигенция» гоев не будет признавать Христа, как и мы Его не признаём. В таком смысле и надо продолжать работать дальше, как в прессе, так и в литературе: разложение нравов, семьи и атеизм докончат развал их быта, который идёт уже довольно быстро.

– Это правда, – перебил его биржевой маклер Ман-

дельштерн. – Когда произойдёт какой-нибудь политический неожиданный взрыв, тогда только станет ясно, сколько людей, русских по рождению, но лишённых всякого личного достоинства, национального сознания, патриотизма, даже разума, примутся проповедывать анархию и крушение былых творческих начал своего народа. Их атрофированные мозги не будут уже в состоянии понимать, что этим они содействуют самоуничтожению и гибели своей родины; они ужи теперь согласны предоставить нам всю громадную государственную территорию, чтобы мы могли воздвигнуть новый Иерусалим. Гнилая бюрократия препятствовать нам не будет; а «власть имущие», – пхе! те уже – наши рабы. А когда понадобится, мы их купим, а не то просто отдадим приказ, который они исполнят в точности, не желая отведать револьвера или бомбы за ослушание.

– Всё это, знаете, хорошо; но вы забыли одно, непочатое ещё и очень грозное препятствие, – заметил старик-инженер, качая головой. – Это мужик, которому в жизни нечего терять, который нас ненавидит и передавит, как клопов, едва только будут брошены вожжи дисциплины.

Адвокат разразился громким смехом.

– Ха, ха, ха! Ты отстал и несообразителен, дядя Мардохей! Мы, передовые бойцы за свободу, уже давно приготовили план, как нам одолеть мужика. Ты говоришь, что у него ничего не осталось, кроме жизни, а всё-таки, как она ни плоха, он ею дорожит, и у него всегда есть, хоть и слабая, но

всё же поддержка в единокровном ему русском обществе. Надо, значит, натравить его на помещика, возбудить его жестокость и, вообще, довести эту тупую, презренную массу до поджогов, убийств и грабежей. И вот тогда, когда усадьбы будут сожжены, машины переломаны, скот уничтожен, когда, наконец, все запасы расхищены, а леса вырублены, когда у землевладельцев останется лишь голая земля и ни копейки денег, чтобы отстроить разрушенное, что станут делать эти нищие? Они за грош продадут свой клочок голой земли и исчезнут, А мы, у которых будет золото, скупим эти имения, устроим их и будем владычествовать над отрезвившимся крестьянством, которое вразумит и правительство, нами же руководимое. Будь уверен, дядя, что эти лодыри станут тогда прилежно трудиться для нашего обогащения и рады будут заработать кусок хлеба, потому что с ними приметься соперничать другая армия голытьбы. *То будут рабочие с фабрик и заводов, которые позакроются, не будучи в состоянии выдержать экономического кризиса, нами подготовленного. Тогда эта голодная сволочь разбежится по деревням «праздновать» под нашим уже владычеством ту «свободу», которую мы им отвоевали, избавив их от царского ига…*

Взрыв гомерического смеха и бурные аплодисменты приветствовали речь адвоката. Но тут беседа была прервана появлением новых гостей.

Это были христиане, при которых всё-таки нужно было

быть настороже и не посвящать их в свои планы.

В будуаре хозяйки дома, Розы Аронштейн, в большой комнате, обставленной мебелью, крытой оранжевым атласом и бархатом, сидели «дамы» и пили чай. Все были очень нарядны, украшены кружевами и залиты бриллиантами, что, впрочем, не делало их приличнее, несмотря на всю их важность, щегольство и напыщенность.

Одна только старуха, маленькая и сморщенная, сидевшая подле хозяйки дома, выделялась из окружавшего общества своим скромным и старомодным обликом. Её парчовому, затканному большими букетами платью, мантилье с бахромой и вышитым воротником было, по крайней мере, лет пятьдесят, а из-под чёрного кружевного чепца виднелся парик с шёлковыми завязками. Но всё же парча была превосходная и старинная, застёгивавшая бархатную мантилью брошка была из бриллиантов с горошину величиной, а круглые серьги заканчивались громадной цены жемчужинами в виде груш. Старуха эта, Фейга Аронштейн, мать банкира, была в доме чем-то вроде патриарха. Её уважали и берегли, в виду колоссального состояния, но её узкие, устарелые взгляды стесняли и возмущали всех.

По приглашению хозяйки, «дамы» прошли в соседнюю комнату, походившую теперь на гостинодворскую лавку. Там выставлено было приданое Сарры, заранее изготовленное, в предвидении помолвки. Подробный осмотр роскошного белья, платьев, пеньюаров, накидок и т. д., фарфора, серебра

и бриллиантов, разложенных по столам, надолго занял всех. Когда вернулись в будуар, Фейга заметила одобрительно:

– Хороши, добры вещи есть, а много и модной дряни. Скажи, Рейза, и школьки тебе стоит этого чудного свадьба? Не дёшево, я думаю?

– То правда! За такого общипанного князя цена – дорогая; но ты знаешь, мамаша, что мы ничего не жалеем для нашего ребёнка. Ну, пусть будет себе большая знатная барыня, как она того заслуживает. Ах, князь ужасно как влюблён в неё. Вот какие условия были у Мойши с князем: пятьсот тысяч ему лично; дано уже двести пятьдесят тысяч утром, а остальное получит в день свадьбы. Кроме того, мы платим все его долги, выкупаем дом на Английской набережной, родовое имение в Харьковской губернии и бриллианты покойной жены; этого он непременно требовал. Вообще, это дело стоит нам около полутора миллиона. Ай, – дорого, а нечего делать; раввин говорит, что торговаться не надо, потому этот человек может быть для нас полезным, когда получит место губернатора. Мне, признаюсь, это ужасно нравится.

– О, разумеется, ваша дорогая Саррочка займёт блестящее положение, а с её красотой, воспитанием и богатством она достойно сумеет исполнять обязанности, наложенные на неё высоким положением, – заметила одна из «дам».

Приятная улыбка расцвела на толстом лице m-me Аронштейн.

– Конечно, конечно, мы ничего не жалели для воспита-

ния нашей дочки; я точно предчувствовала, что Сарра сделает блестящую карьеру. Мы теперь будем её поддерживать хорошими пособиями, чтобы она стала популярной, когда будет губернаторшей. Она должна быть покровительницей всех благотворительных обществ, щедро раздавать милостыню бедным мужикам, наконец, объединить на своих балах, вечерах и обедах всю губернскую знать; всё у неё должно быть изысканно, особенно стол; русские-то любят поесть. Ну, а если они будут гордиться, да играть в антисемитов, наш любезный зятёк собьет им спесь. Мойша будет смотреть, чтобы он исполнял наши приказы; он и теперь начал было делать разные истории и хотел оставить детей у их бабушки, но мы воспротивились этому и поставили нашим условием, чтобы дети были под надзором своей мачехи, особенно старшая дочь Нина, которой восемнадцать лет. Та должна будет помогать Саррочке на приёмах. О, мы потребуем, чтобы её уважали в новой семье, – закончила хозяйка, обмахивая веером раскрасневшееся лицо.

Фейга слушала длинную речь невестки молча, покачивая важно головой, и ответила внушительно:

– Если бы Мошеле спросил меня раньше, чем заключать таково глупого гешефта, я бы сказала ему, что все эти браки с гоями чистейший обман. Фай! Золото наше они берут, а нас всё-таки презирают, и Иегова отворачивается от таких женщин, которые из-за титула отрекаются от святой веры отцов.

– Но, мамаша, ведь это только для вида, что Сарра стано-

вится христианкой, – воскликнула m-me Аронштейн, краснея, как кумач.

– Для вида ли, нет ли, это уфсё равно – отречение. Наш несчастный, непризнанный народ должен избегать гоев, а не смешиваться с ними; наши дочери могут быть прекрасны, как ангелы, умны, честны, богаты, внести изобилие уф дома этих босяков, за которых выходят замуж, уфсё равно их ждут одне шпильке. И поделом им эти обиды! Это – тяжёлая рука Иеговы карает отступниц. Я сама достаточно нагляделась на такие несчастные браки. Чтобы не ходить далеко, вспомни, Рейза, маленькую Ребекку, дочь фабриканта Гольшмана из Житомира. Она вышла за графа Вадлевского, и из её приданого тоже заплатили долги этого польского оборванца. А как с ней обращаются? Граф никогда у ней руки не целует, сам насмехается над ней перед детьми и называет «мой портмонэ», а прислуга заглаза зовёт её не иначе как «пархатой жидовкой». Очков не надо, чтобы видеть разницу, как она относится к графу с семьей и к ней. Ни разу еще граф не позвал родню жены на бал или обед: а, между тем, один брат у Ребекки – банкир, другой – адвокат, сестра замужем за инженером и двое дядей – доктора. Обидевшись одново раза, она потребовала, чтобы пригласили её родню, тогда граф грубо ответил ей: «Я ведь на тебе женился, а не на уфсём кагале, который желает втереться ко мне уф дом. Довольно и того, что я навязываю тебя близким и знакомым. Но если хочешь, позови их на обед или бал, когда меня дома не бу-

дет». – Я знаю, что стоили эти обиды бедной Ребекке, и то же самое, предсказываю, ждет Сарру.

– Никогда, никогда, – возмутилась обиженная m-me Аронштейн. – Во-первых, сравнения быть не может между Саррой и глупой Ребеккой; та – типичная провинциальная неряха-евреечка, а её польский граф – каналья. Моя же дочь рождена быть знатной дамой, а князь – настоящий барин, который никогда не унизится до того, чтобы оскорбить любимую женщину. Хоть и дорого нам это вскочило, а я нисколько не жалею, лишь бы иметь зятем камергера князя Пронского. Это приятно звучит.

– Ты правду говоришь. Роза, – заметила г-жа Катцельбаум. – Твой князь и тот граф – это всё равно что настоящие кружева и дешёвая подделка, успокойся, мамаша. Ты живёшь в прошлом. Двадцать пять лет прошло, как Ребекка замужем, а с тех пор наше положение в мире совершенно изменилось.

– Будем пашматреть, – презрительно ответила Фейга. – Но я сильно опасаюсь, что моё мнение будет правильным. Теперь, как и двадцать пять лет назад, оставаться в своей среде – самое разумное.

Пока этот разговор происходил в будуаре, Сарра сидела и занимала знакомых в зале. Молодежь отпила чай и, разбившись на группы, лакомилась конфетами и фруктами. Молодые люди, дамы и барышни весело болтали и смеялись.

Невеста князя была красивая девушка лет двадцати трех,

восточного типа, высокая, хорошо сложенная, с ярко-пунцовыми губками, чёрными, как смоль, волосами и жгучими глазами; нос был с горбиком и цвет кожи матовой белизны. Белое кружевное, подбитое белым же шёлком платье обрисовывало её стройный стан; короткие рукава обнажали красивые руки, а полуоткрытый лиф вырисовывал уже пышный бюст. Жемчужное ожерелье с бриллиантовой брошью украшало шею, и у пояса был приколот букет роз. Это была чудная представительница своей расы, но ей не хватало лишь обаяния чистой девической прелести, а взгляд, блестевший порою из-под пушистых чёрных ресниц, был жестокий, лукавый и надменный.

Она то и дело взглядывала на входные двери. Не трудно было подметить её волнение, которое проявлялось в нетерпеливом открывании и закрывании перламутрового веера. А злило её, в сущности, запоздание жениха.

Пустая болтовня гостей наскучила, по-видимому, Сарре и, воспользовавшись удобной минутой, она прошла из залы в маленькую гостиную, отделанную красным с золотом и изобильно уставленную роскошными цветами и растениями. Там, под пальмами, сидели двое людей, которых меньше всего можно было ожидать встретить в этом доме. То были два православных священника.

Один из них, своим семитическим обликом, мало отличался от прочей массы гостей; очевидно, он происходил из того же племени.

Другой был из священников последней формации: франтоватых и свободомыслящих, видящих идеал в лютеранском пасторстве и мечтающих сменить духовное облачение на пиджак с цилиндром. При входе молодой хозяйки оба они почтительно встали.

– Добрый гений привёл вас сюда, Сарра Моисеевна, потому что мы говорили именно про вас и ваше намерение принять христианство, – сказал с улыбкой один из священников.

– А что? Разве вы не одобряете моё решение, отец Слепень? – многозначительно улыбаясь, спросила Сарра.

– Конечно, конечно, одобряем. Но вот отец Григорий вполне разделяет моё мнение о том, что вам следовало бы принять православие, а не протестантство.

– Какая же, однако, в вас сидит патриотическо-религиозная закваска, отец Григорий! Кто бы это мог думать? А я-то считала вас вполне «либеральным» человеком, врагом предрассудков, а тем более всякой религиозной нетерпимости, – презрительно и насмешливо заметила Сарра. Священник запротестовал.

– Нет, нет. Мною руководит, в данном случае, отнюдь не вероисповедное пристрастие: я слишком придерживаюсь точной науки и философского позитивизма, чтобы допускать религиозные предрассудки, и нахожу возмутительным, что народные верования продолжают эксплуатироваться детскими сказками об аде, рае, будущей жизни и т. п. вздором. Я ни во что не верю, даже в Бога, которого исповедую;

а день, когда будет уничтожен глупый культ устаревших верований, будет счастливейшим днём моей жизни.

– И тогда несметные богатства, прибавьте, собранные по церквам и монастырям, вернутся в народ, чтобы улучшить его положение, – перебил его самодовольно отец Слепень.

– Ну, это само собой разумеется. Однако вернёмся к цели нашего разговора. Если я советую вам, Сарра Моисеевна, принять православие, то лишь с целью не отличаться очень от остальной семьи князя, исповедующей строгую веру. Это окажет вам известную поддержку ввиду того, что брак ваш возбудит, вероятно, много недоразумений с роднёй вашего будущего мужа, в особенности со старой княгиней, которая пропитана отсталыми и смешными взглядами. Ох, уж наш народ! Какой он ещё отсталый даже в верхних, интеллигентных слоях. Как надо усердно работать, чтобы отвоевать религиозную свободу, которая одна только даёт нам возможность постичь основные, истинные законы гуманности: всеобщее равенство и братство.

Преисполненный сверхлиберального рвения отец Григорий не заметил презрительной усмешки, скользнувшей по лицу его собрата.

– Я с удовольствием принимаю ваш совет, – сказала Сарра. – По правде говоря, мне совершенно всё равно, в какой церкви я разыграю комедию при посредстве которой удостоюсь чести сделаться княгиней Пронской что, однако, не помешает мне остаться верной Богу и вере отцов. Имейте в ви-

ду, господа, что я не могу терять много времени на приготовление к новой вере, и потому не слишком обременяйте меня поучениями.

– Ха, ха, ха! – засмеялся отец Григорий. – Не бойтесь, отец Слепень – пастырь разумный и обременять вас не станет. Он живо обделает всё, и вам так же легко будет стать православной, как скушать сандвич.

В эту минуту в зале произошло движение, а одна из барышень показалась в дверях и громко шепнула:

– Князь!..

Сарра поспешно вышла встречать жениха, но отец уже предупредил её и, насколько позволяла ему толщина, спешил, сияющий, навстречу дорогому будущему зятю.

Князь был бледен, имел усталый вид и извинился за опоздание, сославшись на ужасную мучившую его с утра мигрень.

Сарра осталась недовольна, что жених держал себя с ней холодно-сдержанно и успел сказать ей всего несколько слов.

Затем он был уведён Аронштейном-отцом в кабинет, где тот с олимпийским величием представлял ему новую родню, нимало не смущаясь тем презрительным равнодушием, с которым князь встретил представлявшихся. После окончания этой церемонии, всё общество собралось в зале, и разговор пошёл общий и архилиберальный, вращаясь главным образом на распоряжениях правительства, действия которого подвергались резкому осуждению; целые ушаты грязи и

«обличительной» лжи выливались на министров и даже царскую семью.

Сидевший около Сарры князь участия в разговоре не принимал и чувствовал себя очень неловко в этой вражеской среде, оглушенный всё возраставшим шумом.

По мере того, как затрагивались жгучие вопросы, голоса становились резче и крикливее, движения стремительнее, а гг. провинциалы, позабыв в пылу спора всякое, хотя и мнимое достоинство, уже просто кричали; коверкаемый русский язык мешался с жаргоном, и этот гам угнетающе действовал на расстроенные уже нервы Георгия Никитича. Много раз посещал он Аронштейнов, но прежде или бывало мало народа, или общество, тщательно избранное и подобранное вперемешку с христианами, производило впечатление, как и всякой другой гостиной. Сегодня, на этом семейном сборище, он впервые почувствовал себя не в своей тарелке, встречая на каждом шагу пошлость или глупое панибратство невоспитанных людей. Высказы-вавшиеся здесь политические взгляды были ему так же противны, как и уродливый говор, парик Фейги и чванство дурного тона, с которым супруги Аронштейны величали его, при всяком удобном и неудобном случае, «любезный будущий зятёк». Всё это, совместно с раздражением, вызванным сценой с матерью и детьми, делало его до того нервным, что он, выбрав минуту, когда Сарра заговорила с одной из дам, прошёл в маленькую гостиную, почти пустую.

Но там он наткнулся на отца Григория, и тот воспользовался случаем принести ему прочувствованные поздравления, которых не имел «удовольствия» до сих пор ему выразить.

– Бога ради, избавьте меня от поздравлений, я уже с головой засыпан ими, – явно недовольным тоном ответил ему князь. Батюшка хитро и злобно взглянул на него.

– Извините, пожалуйста, я не знал, что вы ждете соболезнований, а не поздравлений, – ядовито сказал он.

Не удостоив его ответом, князь повернулся к нему спиной и направился к хозяйке дома. Жалуясь на головную боль, ставшую невыносимой, он простился и уехал в тот самый момент, как докладывали, что ужин подан.

Глава III

За время отсутствия князя в его доме произошло печальное событие.

Евдокия Петровна уже давно страдала сердцем. Она много видела горя в жизни, да и единственный сын, которого она обожала, доставил ей много забот. Княгиня безропотно пожертвовала ему всё своё состояние, отказалась от своих вкусов и привычек, но последний удар, который он нанёс её гордости и убеждениям, поразил её насмерть.

Очнувшись после долгого и тяжёлого забытья, она почувствовала себя настолько плохо, что немедленно потребовала священника. Испуганный Арсений бросился к отцу, но узнал от Прокофия, что минут через десять, по возвращении от старой княгини, рассерженный Георгий Никитич уехал, не сказав куда. По приказанию молодого князя, люди побежали за доктором и священником, но смерть их опередила, и, когда через час прибыли тот и другой, всё было кончено. Князя всё ещё не было дома.

Глотая слёзы, Арсений сделал необходимые распоряжения, и около одиннадцати часов вечера тело Евдокии Петровны уже перенесли в большую залу, где положили на катафалк.

Убитые горем дети забились, как испуганные птички в комнату старой няни, доброй старухи, бывшей кормилицы

их матери, вырастившей всех их, преданной душой и телом их семье, а главное, пользовавшейся особым доверием покойной княгини.

В опрятной и уютной комнатке с образами в углу, увешанной по стенам картинками в рамах и работами детей, сидела теперь няня, Василиса Антиповна, держа на коленях двух младших, Надю и Андрюшу, – первая пяти, а второй восьми лет. Рядом с ней, на табуретке, склонив голову на плечо няни, примостился отпущенный на праздники из корпуса маленький паж Ника, а на диване, прижавшись друг к другу, в немом молчании сидели Арсений и Нина. На худощавом, морщинистом лице старухи написана была глубокая скорбь, хотя всё же она старалась своим простым, душевным словом успокоить свой маленький мирок и, когда судорожные рыдания детей сменились тихими слезами, сказала:

– А теперь, детки, давайте помолимтесь за упокой бабушкиной души. Господь тяжко испытал её, призвав к Себе без причастия Святых Тайн. Но, по бесконечному милосердию Своему, Он зачтёт покойной княгинюшке её примерную христианскую жизнь. Помолимся же, чтобы душа её обрела вечный покой в обители праведных.

Все опустились на колени, и горячая молитва их несколько успокоила.

Затем Василиса раздела и уложила младших. Арсений с Ниной не могли спать и, уйдя в детскую, вполголоса обсуждали обрушившееся несчастие и опасность тёмного неведо-

мого будущего с внушавшей им отвращение мачехой, в руки которой они должны были попасть за смертью бабушки.

Князь уехал от Аронштейнов с тяжёлой головой и в очень возбуждённом состоянии. В эту минуту ему одинаково были ненавистны прошлое, настоящее и будущее. Одно желание господствовало в нём, это – желание развеяться, забыть хотя бы на время своё тяжёлое положение. Он, во что бы то ни стало, хотел вернуть себе спокойствие, в виду тяжёлых сцен, неизбежно предстоявших ему назавтра, так как сопротивление матери на этот раз сломить будет не легко.

Он приказал кучеру везти себя к приятелю, графу Арфбергу; с этим кутилой-мучеником всегда можно было быть уверенным, что найдёшь чем развлечься и позабавиться.

У подъезда дома, где жил граф, стояло ландо, и хозяин собирался уезжать в обществе хорошенькой француженки-артистки.

– Какая счастливая мысль, дорогой князь, – радостно встретил он гостя, – У нас partie fine (Перев., – изысканное развлечение) на моей Каменноостровской даче. Там нас ждут ещё друзья со своими дамами. Мы вас не выпустим и захватим по пути ещё какую-нибудь хорошенькую женщину. Кого бы нам взять с собой, Сюзанн? – обратился он к своей спутнице.

– Я предлагаю Жульетту. Она вернулась уже теперь из театра и будет в восторге провести время в милом обществе, – засмеялась та.

Был уже шестой час на исходе, когда князь вышел из экипажа у своего дома.

Он был в отличном настроении. Попойка удалась на славу, было шумно и весело, а вино и общество Жульетты совершенно рассеяли тяжёлые думы и опасения. Князь воспрянул духом и был настроен очень воинственно.

Снисходительная и добрая мать несомненно уступит; ведь она уже столько раз уступала и побеждала себя, а здесь и дело-то всё шло о каком-то отжившем предрассудке.

Напевая слышанную за ужином шансонетку, вошёл князь во двор, открыл своим ключом входную дверь и стал подниматься по лестнице. В прихожей он повернул электрическую кнопку и, сняв пальто, направился к себе в кабинет, где его ждал верный Прокофий; но, проходя столовую и маленькую гостиную, перед кабинетом он вдруг остановился, как вкопанный.

Сквозь полуотворённую дверь в зале был виден свет, и до его слуха донёсся женский голос, читавший вполголоса и нараспев. У него выступил даже холодный пот на лбу. Что бы это значило?.. Сразу отрезвев, Георгий Никитич кинулся к дверям, распахнул их и застыл на пороге в немом изумлении.

Зала тонула в полутьме; посредине, озарённый мерцавшим светом лампады перед образом, стоял катафалк, а с боку, у аналоя, со свечкой в руке, монахиня читала псалтырь. Князь подошёл к телу и откинул тюль. Крик ужаса и отчаяния застыл в горле; словно каменная глыба обрушилась на

него и придавила.

Несмотря на свои слабости, расточительные вкусы и увлечения, князь боготворил мать, и сознание, что она пала первой жертвой заключенной им позорной сделки, бросило его в дрожь. И этот катафалк не был дьявольским наваждением, а ужасной действительностью. Пока он пировал и «рассеивал» вызванные им же самим неприятности, здесь умирала его мать, и он был её убийцей…

Схватясь руками за голову, он сделал несколько шагов, а затем с глухим стоном упал без чувств.

Испуганная монахиня позвала на помощь. На её крик прибежали Прокофий с Петром и перенесли князя в его комнату.

Когда, на другой день, Георгий Никитич появился на первой панихиде, его густые чёрные волосы подёрнулись словно серой дымкой. Испуганные и заплаканные дети жались к старой Василисе. Они боялись отца, которого никогда не видали таким суровым и мрачным. Арсений и Нина тоже держались поодаль около фрейлейн Амалии и ни слова не сказали князю; но им иное, враждебное чувство замыкало уста: по вине отца, из-за его мерзкой женитьбы умерла бабушка… Что-то будет с ними без неё?

В день похорон собралось много родных и знакомых. В ожидании духовенства, общество сгруппировалось частью в зале, частью в гостиной, где была Нина, и разговор шёл сдержанным шёпотом. Убитая горем, в глубоком трауре, Нина

молча встречала или раскланивалась с входившими.

Молодая дама, жена моряка, родственница Пронских, подошла к княжне, отвела её в сторону и, выразив ей соболезнование, спросила:

– Скажи, дорогая, правда ли, что Георгий Никитич женится на m-lle Аронштейн?

Слёзы градом хлынули из глаз Нины.

– Вы уже знаете, Клодин?

– Увы, да! Это и убило тётушку…

Нина замолчала, стараясь подавить слёзы и оправиться, а Клодин обняла её и принялась утешать:

– Calmez-vous, chere Ninon – (Перев., – Успокойтесь, милая Нина). – Конечно, внезапная смерть тёти страшное для нас горе; я понимаю, что для женщины старого поколения, с её предубеждениями, это было тяжёлым ударом, но всё-таки ей не следовало принимать так к сердцу. По крайней мере, ты, Нина, будь благоразумна и не считай выбор князя семейной катастрофой. В наше время все старые предубеждения становятся смешными; богатая и хорошо воспитанная еврейка – такая же женщина, как и другая. Я нахожу вполне естественным и разумным, что князь вступает в такой выгодный брак, особенно в наши трудные времена. Кузен Биби, который бывает у Аронштейнов, говорил мне, m-lle Сарра – красавица и получила блестящее образование. Таким образом, вместо того, чтобы приходить в отчаяние, примите её как старшую сестру, введите её в ваш круг и постарайтесь

придать недостающий ей светский лоск. Кроме того, m-lle Аронштейн несомненно крестится, а это смывает последний след её происхождения, которое вас коробит. Значит, ничто вам не мешает отнестись к ней тепло, по-христиански и полюбить её.

Нина с явным неудовольствием взглянула на неё.

– Вы не подумали о том, что говорите, и несправедливы к бабушке. У неё не было смешных предрассудков, и она была ко всем добра; но позора, обрушившегося на нашу семью, она не могла пережить, в предвидении всего того зла, которое нас ожидает. Я должна, по-вашему, принять, как сестру, эту негодницу, которая нагло вторгается в нашу семью? Никогда! Этот отвратительный брак выроет бездну между папой и мной.

– Всё это глупости, – с усмешкой ответила Клодин. – Цивилизация уравнивает все расы. Я знаю, например, что германская аристократка вышла замуж за японца, китайцы женятся на англичанках или американках. Почему же тогда русскому не жениться на еврейке?

К ним в эту минуту подошёл её муж, который расслышал последнюю фразу Клодин и поддержал жену:

– Конечно, Нина Георгиевна, не принимайте близко к сердцу такое простое, в наши дни, дело. А ты рассказывала, за кого выходит ваша общая кузина, Лили? Это, может быть, и примирит княжну.

– Ах, да, Ninon ещё этого не знает. Лили безумно влюби-

лась в оперного артиста Муретова, дававшего уроки пения её брату, Толе, и часто распевавшего с ней дуэты. На прошлой неделе они обручились, несмотря на неудовольствие и сопротивление всей семьи её опекуна, барона фон Фукса. Но Лили открыто заявила, что убежит из дома, повесится или утопится, если ей будут препятствовать; а так как у неё независимое, доставшееся от тётки состояние, то обуздать её довольно трудно.

– И поверьте, что тому это известно. Вот и основание его любви, – презрительно заметила княжна.

– Уж я не знаю, но зато Лили в восторге от женитьбы твоего отца, которая ей очень поможет сломить несогласие родных. Так перестань же отчаиваться, Нина! Сарра Аронштейн всё-таки – дочь банкира; а родители Муретова, или что то же, Лейзера Итцельзона, кажется, – старьёвщики из Могилёва. Но, конечно, это не помешает Лили быть счастливой и принимать у себя наш чопорный «свет», потому что в наш век главная сила – деньги. Кстати, вот что мне пришло в голову. У вас, вероятно, будет много богатых финансовых тузов; тогда и сестра моя, Соня, поймает, может быть, кого-нибудь. Я стану возить её к вам.

Пораженная Нина молча и с негодованием слушала её, но ответить не успела, потому что прибыло духовенство, и началась лития.

Зала была полна народа, как вдруг сквозь толпу стали протискиваться двое вновь прибывших. Это были Аронштейн и

Сарра, вся в чёрном и с венком из роз в руках.

Князь побледнел и нахмурился. Нина тоже вздрогнула; но остальная часть присутствовавшего аристократического общества нисколько не разделяла, по-видимому, этих враждебных чувств.

Непрошеным гостям дружески пожимались руки; очевидно, их появление никого не удивляло и не коробило. Наоборот, общество точно забыло, или делало вид, что забыло причину смерти старой княгини, а присутствие Аронштейнов благодушно объяснило, как проявление вежливого внимания к пораженному горем новому члену их семьи.

Князь был мрачно сосредоточен и ограничился холодным поклоном. Когда он прощался с телом и помогал детям всходить на ступени катафалка, его душевный разлад и отчаяние бросались всем в глаза.

Сарра старалась держаться всё время поблизости жениха, и, когда гроб поставили на колесницу, она сделала даже шаг вперёд, явно ожидая, что князь предложит ей руку; но Нина предупредила её и поспешно взяла отца под руку. В её тёмных глазах блеснул вызов и решимость защищать принадлежавшее ей по праву место за дорогим гробом.

В эту минуту отец и дочь встретились глазами, и выражение глубокого сочувствия отразилось на лице Георгия Никитича. Он понял немой протест молодой девушки и крепко прижал к себе её руку.

Увидав, что её устранили с места, которое будто бы по

праву принадлежало ей, чёрные глаза Сарры злобно блеснули; тем не менее, она ничем не выдала своего неудовольствия и, когда, после похорон, князь позвал некоторых родных и близких знакомых к себе завтракать, Аронштейн с дочерью даже не стали ждать приглашения, а вернулись с прочими, запросто, по праву родства.

После завтрака приглашенные разъехались, но Сарра осталась и сделала обход прилегавших к столовой комнат, пренебрежительно оглядывая в лорнет мебель, картины и пр.

– Сколько здесь всего комнат? – вдруг спросила она.

– Двенадцать внизу и восемь во втором этаже, не считая людских, – ответил князь.

– Ах, нам будет немного тесно. Затем необходимо всё заново обмеблировать: то что я вижу здесь, было несомненно когда-нибудь очень красиво, но теперь… вышло из моды. Да и дом слишком удалён от центра.

Князь слегка покраснел.

– Я вовсе не намеревался. Сарра Моисеевна, помещать вас в доме, где скончалась моя мать. где собраны все воспоминания прошлого и святыни моей семьи, где я провёл первые годы моей женитьбы, самые счастливые в моей жизни, наконец, где родились мои дети и каждая комната мне особенно дорога. К тому же, дом мне и не принадлежит. Он уже двести лет состоит в семье князей Радумовских, из рода которых происходила моя мать, а она по завещанию остави-

ла этот дом в приданое моей старшей дочери. Нине. Мы поселимся пока на Адмиралтейской набережной, в доме. купленном моей покоимой женой для сына Арсения. Я оставил для нас квартиру в двадцать шесть комнат и это нам должно хватить.

Голос князя звучал холодно, взгляд был строгий и враждебный. Сарра бесилась, но не посмела этого выказать и ничего не ответила. В эту минуту подошёл прощаться Аронштейн, торопившийся по делам.

Затаённая злоба Сарры длилась весь день и усилилась ещё тем, что ей приходилось скрывать её, потому что у них были гости. Только вечером, отказавшись под предлогом мигрени ехать с родителями в театр, она могла остаться, наконец, одна.

Надев капот, она отослала горничную и улеглась на кушетку, чтобы спокойно обдумать тревожные события минувшего дня. Она не могла примириться с тем, что Нина лишила её удовольствия идти под руку с князем за гробом этой «старой дуры», которая посмела умереть со злости, что её титулованный оборвыш-сын женится на ней. Помимо этого огорчения, ещё больше бесил её ответ князя. Он посмел её учить, дав ей понять, что в родном гнезде, где проживали поколения князей Радумовских. она никогда жить не будет.

После получасового размышления, она села к своему роскошному письменному столу-булль и написала следующее письмо:

«Дорогой Енох!

Твой отец сообщил, наверно, тебе проект превратить скромную Сарру Аронштейн в княгиню Пронскую, и проект этот приводится в исполнение. Вот уже три дня, как я объявлена невестой, и скоро сделаюсь христианкой, т. е. проделаю комедию, которая даст мне красивое имя Зинаиды.

Хотя мой будущий супруг и не первой свежести, – он приближается к пятидесяти годам, но Жорж мне нравится: он хорош собой, прекрасно сохранился и большой барин. Не скрою от тебя, однако, что понадобились железные тиски моего отца, чтобы принудить князя сделать мне предложение. Эти глупые гои воображают себя, в самом деле, чем-то высшим, сравнительно с нами; а всё-таки наше золото им не претит. Мне меньше нравится, что у князя пять человек детей, которые все боятся, что я делаюсь их мачехой. Но, разумеется, мне плевать на их неудовольствие.

Была ещё у Георгия мамаша, но милейшая княгиня была так поражена позором, покрывшим её княжеский род, что издохла, и это было очень умно с её стороны, потому что всё-таки, с её смертью, одним врагом меньше в семье, притом врагом ярым. Сегодня её хоронили; но моя свадьба отсрочена и состоится лишь в конце января. Однако это не единственная неприятность, которой я ей обязана. По-видимому, смерть матери вызвала у моего дражайшего князя затаённую злобу, которая вылилась сегодня в непростительной выходке. Когда я спросила, поселимся ли мы в их старом особня-

ке, где князь живёт теперь, он заявил, что там проживали его предки по материнской линии, князья Радумовские, там же он проводил счастливейшие годы со своей первой женой, и что каждая комната, всякая вещь для него – святыня.

Ты поймешь, конечно, тайный смысл его слов: присутствие „жидовки“ в этом княжеском гнезде было бы для него позором. Забыла тебе сказать, что это „святилище“ составляет приданое Нины, его старшей дочери. Это обстоятельство внушило мне мысль, которую я тебе изложу и которая посбавит спеси у этих надутых аристократов, незаслуженно осыпающих нас оскорблениями. А идея моя такова: тебе надо жениться на Нине, которая очень красивая девушка. А затем, ты водворишься в этом родовом гнезде, по правде говоря, ужасно запущенном; и будешь себе разводить маленьких Аронштейнчиков. Пикантная идея, не правда ли? Что ты будешь иметь полный успех, я в этом убеждена. Ты красив, Енох, и твоё музыкальное дарование – великая сила. Сколько уже христианок клянчило твою любовь, так что княжну ты победишь шутя.

Приезжай на мою свадьбу. Если Нина тебе понравится, – повторяю, она очень хороша собой, – ты возьмёшь её себе в жёны; а нет – так ты можешь позабавиться и вскружить ей голову, только и всего».

Закончив письмо и адресовав его Еноху Аронштейну в Славгород, она злобно усмехнулась.

Погоди, недотрога-царевна! Когда ты будешь без ума от

моего неотразимого красавца Еноха и поселишь его в своём Радумовском святилище, это будет отплатой твоему милейшему папаше за грубость, да и тебе за сегодняшнюю дерзость.

Несколько дней спустя, после похорон, князь позвал к себе сына.

Мрачный, с понурой головой вошёл Арсений в кабинет. Отец сидел, задумавшись, за письменным столом, и перед ним лежала пачка денег. Князь молча взглянул на него и указал на стул.

– Я ещё не мог переговорить с тобой, Арсений, обо всём случившемся. Смерть бабушки лишила меня спокойствия, необходимого, чтобы выяснить наши взаимные отношения.

– Да, бабушка скончалась от сознания, что ты женишься на жидовке. Я предпочел бы, папа, сделаться мелким железнодорожным чиновником, а Нина согласилась бы скорее пойти в гувернантки, чем переживать такой позор, – сказал Арсений нетвёрдым голосом, краснея от волнения.

– А! Всё это глупая, непригодная в жизни болтовня. «Благородная бедность» и «трудовой хлеб» интересны только в романах, – ответил князь. – Конечно, maman, выросшая в иных убеждениях, была не способна подчиниться горькой необходимости настоящего положения и не хотела понять, что, для чести имени, разорение – такой же позор, как и mesallianse (Перев., – неравный брак). Ты же, хотя ещё и юн, но знаешь, что без денег жить нельзя. Я себя продал для то-

го, чтобы спасти вас от нищеты и, поверь, эта жертва мне совсем не так уж легка, как тебе кажется.

Арсений бросился на шею отца, прижался к груди и зарыдал. Бледный и взволнованный князь погладил его ласково по голове и поцеловал в лоб.

– Успокойся, бедный мой мальчик, – сказал он с усилием. – Ах, ты ещё не знаешь людей. Поверь, все они охотно простят принятие еврейки в нашу семью, не откажутся ни от одного приглашения на бал или обед, и в наших гостиных всегда будет много усердных друзей; но разорения они нам не простят и за «благородную бедность» нас будут считать париями. Ты мой первенец, носитель нашего древнего имени, женишься со временем на девушке равного с тобою положения, и наш род останется беспорочным, а мама и бабушка не будут оскорблены в могиле. Но настоящее надо принимать таким, каково оно есть на самом деле. Если ты меня понял, Арсений, то будешь судить отца снисходительно, а не то моя жертва станет ещё тяжелее.

– Что же ты, собственно, хочешь от меня, папа?

– Чтобы ты только воздерживался от явных обид и вызывающего образа действий и в отношении женщины, на которой я женюсь, и её семьи; но надо тебе подействовать на Нину и других, чтобы они тоже были вежливы, по возможности, и не выставляли напоказ своего неудовольствия.

– Хорошо, папа, я постараюсь.

– Спасибо тебе, друг мой, а теперь покончим ещё с одним

вопросом. У тебя долги. Не красней и не смущайся. Я не упрекаю тебя, зная, что у молодёжи – свои права и увлечения, а я мог давать тебе очень мало. Вот – тысяча рублей, погаси долги, а остальное оставь себе. Скоро ты будешь произведён в офицеры, и я тебе назначаю триста рублей в месяц, да три тысячи на обзаведение.

Когда Арсений его поблагодарил, князь прибавил:

– Значит, ты обещаешь мне быть благоразумным? Я вовсе не требую от тебя проявлений нежности, а только вежливой сдержанности, как с ней, так и с её роднёй, которую нельзя пока вовсе стряхнуть.

– Обещаю, папа, не затруднять твоё положение, – ответил Арсений, целуя у отца руку.

В комнате Нины сидели дети с Василисой, потому что гувернантка ушла в этот день в гости. Вошёл Арсений и передал свой разговор с отцом, а попутно зашла речь о свадьбе Лили с певцом Итцельзоном.

– Господи Иисусе, – воскликнула Василиса, крестясь, – должно, светопреставление близко. Ещё можно понять, что барин собой жертвует; а ведь эта шалавая вольной волей, по любви идёт за грязного, пархатого жида, да ещё скомороха. Тьфу! – и она плюнула. – Хорошо, что наша матушка-княгиня померла, не дожив до этаких мерзостей. По крайности, не увидят её глазоньки, как эта жидовка в доме воцарится и порядки свои станет заводить. Чай, всех старых слуг со двора долой.

– Пусть только посмеет, – в голос закричали дети, обнимая старуху и целуя её. – Ты наша, и с нами до самой смерти останешься.

Разгоревшиеся щеки и чистосердечное негодование детей тронули старуху, и она в свою очередь крепко их расцеловала.

Глава IV

Свадьба князя, желавшего хотя бы три месяца соблюсти траур по кончине матери, отложена была до первых чисел февраля. Сарра была крайне недовольна такой отсрочкой и, вообще, за время пребывания её невестой, каждый день приносил ей разочарования. Гордая, страстная и даже циничная, она не просто хотела выйти замуж, а желала быть любимой, считая себя достаточно красивой, чтобы возбудить страсть в князе, который отнюдь не пользовался репутацией бесчувственного аскета. Но напрасно искала она в глазах жениха хоть искру любви, ждала ласки и поцелуя украдкой, в течение тех бесед с глазу на глаз, который великодушно устраивала ей мамаша Аронштейн. Князь был неизменно вежлив, любезен и даже предупредителен, подносил своей невесте цветы, конфеты и дорогие безделушки, но оставался сдержанным, и Сарра чувствовала, что под этим покровом любезности таится ледяное равнодушие, а вызывающее кокетничанье он, казалось, не замечал.

Столь же мало успеха имела Сарра в отношении семьи князя. Арсений был в корпусе: Нина же, за исключением официальных визитов, оставалась невидимкой, а наивные глазки прочих детей не умели скрыть, что их будущая мачеха внушала им отвращение и страх. Все попытки Сарры приручить их конфетами и игрушками остались тщетными.

Разразилась русско-японская война, и политические события повлекли за собой ещё большее охлаждение между действующими лицами. Ввиду пробуждения деятельности в правительственных сферах и обществе, князь стал ещё более редким гостем в доме Аронштейнов, ссылаясь на обременение работой по службе и дворянским делам.

Сарра тотчас же устроила кружок, где работала на раненых и даже пригласила Нину, желая привлечь её в своё общество; но княжна отказалась, заявив, что состоит уже членом дамского кружка, где её знакомые собирались с той же целью.

Между тем, в доме Пронских, на набережной, шло деятельное устройство новой квартиры, и князь сам наблюдал за меблировкой комнат детей, выбирал шёлк и атлас для будуара и спальни Нины, но до остальной квартиры не касался, предоставив всё декоратору.

– Пожалуйста, руководствуйтесь только вкусом моей невесты, – сказал он, когда тот обратился к нему за указаниями.

Когда, перед Рождественскими праздниками, семья князя переехала из особняка на Петербургской стороне в новую квартиру, там всё уже блистало роскошью, и Пронских встретила целая армия прислуги в княжеской ливрее.

За несколько дней до свадьбы, у Георгия Никитича был ещё разговор со старшими детьми, которым он разъяснил, что им необходимо присутствовать на свадьбе; троих же ма-

леньких он отправил на две недели к родным в Ораниенбаум.

Наконец, настал роковой день. В шесть часов должно было происходить венчание, после которого назначен был обед у Аронштейнов.

Нина старалась крепиться и одевалась, мужественно глотая слёзы. На ней было дивное, нарядное, с большим вкусом сделанное платье, но она не кинула и взгляда в зеркало на свою очаровательную фигуру. Как только княжна была готова, она прошла к себе в будуар, достала из шифоньерки портрет матери, долго на него смотрела и потом поцеловала, словно просила у покойной прощения за оскорбление её памяти.

Спрятав портрет, Нина вернулась в спальню, взяла инкрустированную шкатулку и достала нить крупного жемчуга, который и надела на шею. В этом ящике хранились бриллианты и другие золотые материнские вещи, которые отец вручил дочери накануне, и ей приходилось сегодня надевать родовые драгоценности впервые, для вящего позора её семьи.

Горький вздох вырвался из груди Нины, и она вдруг подумала о князе. Где он, о чём он думает? И жгучее желание увидеть отца охватило её. Пока он принадлежит всецело им, а через час между ним и детьми встанет противная, навязчивая «чужая».

Неслышно, как тень, прошла Нина по богато убранным и украшенным цветами комнатам в кабинет князя. Там нико-

го не было, но когда она осторожно раздвинула портьеру и взглянула рядом в библиотеку, то увидала, что отец стоит у окна.

Он был уже одет к свадьбе, и роскошный, залитый золотом камергерский мундир удивительно шёл к его красивой и статной фигуре. На столе рядом лежала его шляпа с белым плюмажем и стояла картонка с букетом, за которым должен приехать шафер. Князь был очень бледен, брови его были сдвинуты, а в углах рта застыла горькая складка.

– Папа, дорогой папа, – глухо и нерешительно прошептала Нина, бросаясь к нему.

Георгий Никитич вздрогнул и обернулся. Перед ним, как видение прошлого, мелькнул образ покойной жены, которую он горячо любил, а Нина была её живым портретом. Он привлек к себе дочь и покрыл поцелуями. Невыразимо гнетущее чувство охватило его; на пороге церкви почувствовал он всю тяжесть потери свободы, а до этого считал, что жертва будет гораздо легче. Отныне он уже никогда не будет один со своими детьми, а всегда под лукавым надзором женщины, которую не любил. А, тем не менее, она всё-таки станет его женой, будет иметь на него права, может требовать от него любви и вмешиваться во все мелочи его жизни; от неё ему никуда уж не уйти, и он вынужден будет таскать её за собой, как каторжник свои оковы…

Стук кареты у подъезда оторвал князя от его мыслей.

– Иди в гостиную, дитя моё, там вероятно тебя уже ждет

Арсений, – сказал князь, целуя на прощанье дочь.

Церковь Уделов была переполнена представителями высшего общества. Блестели золотые придворные мундиры, сиял звёздами и орденами генералитет, а на противоположной стороне собиралось другое общество, особого типа, безупречно, правда, одетое, но которое же, с первого взгляда, можно было отнести к иному лагерю.

Невеста была очень интересна в кружевном платье и окутанная, словно дымкой, фатой. В её чёрных глазах виднелось гордое самодовольство, и взгляд её поминутно скользил по бледному, застывшему красивому лицу жениха.

В первом ряду стояла Нина. Она была бледна и старалась побороть охватившую её нервную дрожь, а её волнение усугубилось вдруг ещё чувством необъяснимой тревоги и тяжести, так что ей по временам даже становилось трудно дышать. Она невольно повернула голову и встретилась глазами с господином во фраке и белом галстуке, стоявшим на противоположной стороне церкви и упорно смотревшим на неё восхищенным страстным взглядом.

Дрожь пробежала по её телу, а в душе пробудилось непобедимое отвращение, ненависть и страх. Что это за господин, которого она раньше никогда не встречала?

То был молодой человек, лет двадцати восьми или тридцати, бесспорно красивый, высокий и стройный; шапка чёрных как смоль волос и чёрная бородка обрамляли его бледное, матовое лицо. Правильные черты и горбатый нос обна-

руживали его восточное происхождение, а огненный взгляд указывал на страстную натуру; от него веяло чем-то демоническим.

– «Должно быть, кто-нибудь из аронштейнской клики», – подумала Нина, с неудовольствием отворачиваясь.

В это время венчание кончилось, и все стали подходить к новобрачным с поздравлениями. Воспользовавшись суетой, Арсений пробрался к сестре, и они вышли в смежную залу, где подавали шампанское, мороженое и конфеты. Оба не могли решиться подойти к отцу поздравить его с публичным позором и, стоя в сторонке, с удивлением рассматривали общество. А эта покладистая толпа весело смеялась, беззаботно болтала, чистосердечно, как будто, поздравляла Аронштейнов и благосклонно принимала приглашение на обед, пожимая им руки, словно те были их самыми закадычными приятелями.

Залы банкира представляли волшебное зрелище. Аронштейн решил, очевидно, торжественно отпраздновать свою великую победу, и Рейза, в малиновом бархатном платье, себя не помнила от радости, приторно-угодливо принимала гостей.

Нина нехорошо себя чувствовала в этом разношёрстном, непривычном ей обществе. Мать и бабушка воспитывали её в своей среде; а эти, неведомо откуда выскочившие люди, с их угловатостями и пошлой, неряшливой речью, её коробили и отталкивали. Она обрадовалась и облегчённо вздохнула,

увидав свою кузину, Лили, которая подошла к ней и обняла её.

Баронесса фон Фукс была хорошенькая, свежая, весёлая и пухленькая барышня; в эту минуту она так и сияла от удовольствия. Усевшись рядом с Ниной, она пожала ей руку.

– Отчего ты такая грустная, Нинок? Ты меня даже не поздравила с недавним моим обручением. Нина испытующе взглянула на неё.

– Ты знаешь. Лили, что я откровенна, и потому прямо говорю: поздравлять тебя с твоим выбором мне не приходится.

– Это потому, вероятно, что я выхожу за еврея? Боже мой, какая ты отсталая, Ниночка! А я тебе всё-таки представлю потом моего милого Лейзера. Он скоро крестится, но я буду называть его по-прежнему, в доказательство того, что его происхождение никакого отвращения мне не внушает. Ты увидишь, какой это артист и как он хорош! Для меня большая честь выйти за такого знаменитого и даже гениального человека.

Нина нахмурилась, и на её подвижном личике мелькнуло выражение удивления и презрения.

– Слушая тебя, я задаю себе вопрос: в уме ли ты? Неужели ты не представляешь себе весь ужас своего положения, в будущем, жить совместно с невоспитанным некультурным человеком, вышедшим из семьи каких-то старьёвщиков, значит, подонков своего же народа? Да он возбуждает просто физическое отвращение! Брр! Во мне каждый нерв дрожал

бы при одной мысли, что придется поцеловать такого субъекта.

– А я с наслаждением целую его. Твоё предубеждение, Нина, смешно, и ты забываешь, что для христианина все люди братья, евреи – как все прочие. А такой артист, как Лейзер, – полубог, – восторженно закончила Лили.

– Полубог? – насмешливо повторила Нина. – Очень боюсь, дорогая Лили, что твоё поклонение этому «иудейскому божеству» быстро улетучится. Когда твой «великий артист» снимет фрак и белые перчатки, в которых он щеголяет на житейской сцене, да облачится дома в наследственный лапсердак, тогда твоё безумное увлечение потонет в ужасе и отвращении; если, конечно, он и тебя не затянет до тех пор в ту грязь, из которой выполз сам, и не атрофирует в тебе потребность в изяществе.

Лили обиделась и с неудовольствием ответила:

– Уверена, что твоё пророчество столь же неверно, как и зло. Твоя смешная ненависть к израильтянам тебя ослепляет и делает даже невежливой. У тебя с Арсением такой вид, словно вы присутствуете на похоронах, а не на свадьбе; а это в достаточной мере обидно для твоей belle-mere (Перев., – мачехи) и её семьи. На что уж дядя Жорж? И у того вид каменного сфинкса, а не счастливого новобрачного! Хотя я уверена, что он будет вполне счастлив со своей очаровательной женой, как и я буду счастлива с моим гениальным, несправедливо тобой осуждённым Лейзером. Повторяю, я

считаю за честь выйти за него замуж.

– Тем лучше будет для тебя, если я ошибусь. Но в одном ты безусловно права: мы с Арсением глубоко душевно скорбим и действительно присутствуем при погребении чести и родовых традиций нашей семьи. Разумеется, я предпочла бы в такой злополучный день облечься в траур. А что думают про мои чувства Аронштейны – мне решительно безразлично.

– Тсс! Зинаида Моисеевна идёт к нам с молодым Аронштейном, – остановила её Лили. – Боже, как он красив и изящен. Его-то уж ты не можешь ни в чём упрекнуть, c'est un parfait gentlemen! (Перев., – это вполне джентльмен!).

Нина не успела ей ответить, потому что к ней подошла мачеха в сопровождении господина, настойчивый взгляд которого был ей так неприятен в церкви.

– Ma chere Ninon (Перев., – милая Нина), – развязно сказала новая княгиня, позвольте вам представить моего кузена, Еноха Аронштейна, вашего соседа за столом. Познакомьтесь, а баронессу он уже знает.

Она покровительственно улыбнулась и направилась к мужу, потому что в эту минуту доложили, что обед подан.

Нина побледнела. Бесцеремонность, с которой ей навязали кавалера, её глубоко возмутила, но она была слишком хорошо воспитана, чтобы не быть вежливой, а тем более вызвать скандал, и потому только смерила враждебным, холодным взглядом отвесившего ей глубокий поклон молодого че-

ловека. Тот предложил ей руку, чтобы вести в столовую, и она молча еле вложила свои пальцы.

За столом она с неудовольствием искала глазами брата. Куда делся Арсений? Как мог он допустить такое неуважение к сестре? Подавленная чувством обиды, она не заметила мрачного, испытующего взгляда своего кавалера и не слышала его слов, с которыми он к ней обратился.

Молодой Аронштейн тоже был бледен и сумрачно кусал губы. Он заметил, или угадал, что княжна чувствовала себя оскорбленной, будучи вынуждена идти под руку с ним, и что, несмотря на его красоту, богатство и блестящее образование, он внушал ей только презрение и отвращение. Это сознание было тем более тяжко Еноху, что Нина произвела на него глубокое впечатление, и её воздушная красота, – истинное воплощение девственной прелести, пробудила в его пылкой душе страстное чувство, которое нескрываемое презрение ещё более подзадоривало. С затаённой злостью, молча наблюдал он за княжной, которая даже позабыла словно о его присутствии и на выразительном лице которой он читал, как в открытой книге, волновавшие её чувства.

Да, Нина и действительно думала о другом, а не о своём противном соседе, и глазами искала среди приглашенных брата, которого нашла, наконец, рядом со смазливенькой еврейкой, кокетничавшей с красивым юношей. Арсений оживлённо и весело отвечал на заигрывание соседки, и это ещё более бесило Нину. Неужели и он станет одним из дегене-

ратов, без стыда и чести, которые добровольно впрягаются в триумфальную колесницу еврейства, вроде пирующих за этим самым столом?

Прямо против неё сидела некая графиня, которая бросила мужа сановника и троих детей, а сама сошлась с актёром, обиравшим её вдобавок; дальше любезничала с женихом Лили; а там восседал адмирал, женатый тоже на еврейке, приказчице перчаточного магазина, и оживлённо беседовал с сестрой хозяина дома, m-me Мандельштерн. Очевидно, этот сомнительный и пошлый, несмотря на бархат, бриллианты и кружева, люд, от которого тем не менее несло «букетом» Бердичева, или какого-либо иного еврейского гнезда, никого не коробил, и всяк считал себя с ним на равной ноге. Ах, как права была бабушка, говоря, что мнимо-либеральная вакханалия, подготовленная теми, кому это выгодно, смешавшая людей и душившая чувство собственного достоинства, грозит обществу полным разложением.

Нина обежала взглядом весь стол и с новым чувством ненависти взглянула на мачеху.

– А вам, княжна, трудно, кажется, будет победить ваши расовые предрассудки и сойтись с вашей новой родней, – заметил Енох, раздражение которого прорвалось, наконец, и заглушило его обычное хладнокровие и рассудительность.

Нина вздрогнула и обернулась к соседу, окинув его холодным взглядом. Замечание его показалось ей дерзким.

– Я вас не совсем поняла, г-н Аронштейн. Что вы имели в

виду, говоря о слиянии с моей новой роднёй и победой над предрассудками, освященными национальными, даже расовыми традициями? Мой отец женился, правда, на вашей кузине, но что же тут общего с остальной её семьей? Вам, как близкому родственнику Зинаиды Моисеевны, должны быть известны подробности этой брачной сделки, о которой я могу лишь искренно пожалеть. Впрочем, извините, я вдаюсь в подробности, которых из деликатности не следовало бы касаться, будучи в этом доме гостьей.

– Невольной, конечно?

– Да, не могу скрыть.

– Своим ответом вы даёте мне урок, как надо себя вести, – сказал Енох, краснея.

– Я ответила откровенно, потому что не хотела оставлять вас в неведении относительно моих воззрений, но я всё-таки не понимаю, почему вам вздумалось ставить мне столь резко такие щекотливые вопросы. Повторяю, однако, что ни я, ни мой брат, ни остальные члены нашей семьи не будут считать родной семью второй жены отца, и отношения между ней и детьми князя Пронского останутся чисто официального характера.

Когда встали из-за стола, Енох, провожая княжну в гостиную, сказал с горечью:

– Сколь ни откровенен ваш ответ, княжна, он меня не поразил, потому что я ещё раньше заметил на вашем лице неудовольствие и оскорбленное самолюбие, вызванные сле-

потой моей кузины, предложившей меня вам в кавалеры и соседи. Поэтому извиняюсь перед вами и не смею утруждать вас далее моим присутствием. Тем не менее, как бы ни были дерзки и неуместны мои слова, я всё же рад, что узнал ваши убеждения: всегда приятнее биться с врагом с поднятым забралом.

Насмешливая улыбка мелькнула на лице Нины.

– Я не намеревалась вовсе биться с вами, г-н Аронштейн, ни с поднятым, ни с опущенным забралом, потому что не считаю вас рыцарем без страха и упрёка. При том, я вовсе не враг ваш, а только не желаю считать вас родным. Но, чтобы вы поняли, почему мне ненавистна женитьба моего отца, могу пояснить, что одно известие о ней стоило жизни моей бабушке, которую я обожала; её могила навсегда отделила меня от Зинаиды Моисеевны.

– Но поймите же, Нина Георгиевна, что ваши слова возмутительно несправедливы, и ваша слепая ненависть к нашей семье, потому только, что мы принадлежим к иной расе, недостойна христианина, просвещённого и цивилизованного человека. Взгляните на вашего отца, на его застывшем, как восковая маска, лице ясно видно всё усилие скрыть душевное бешенство, а вы не скрываете даже своего неудовольствия. А в сущности, что же случилось? Князь женился на безупречной девушке, прекрасной как ангел, очень богатой, которая снимает с него все житейские заботы, а его семья пользуется всеми выгодами такой сделки. Между тем, вме-

сто того, чтобы с любовью принять новую родственницу, вся семья князя имеет вид словно идёт на казнь.

Тон его, даже более чем сами слова, не понравился Нине, тонкие брови которой сдвинулись, и голос зазвучал строго.

– Вы забываете главное: что заключённым сего дня актом купли-продажи банкирский дом Аронштейна приобрёл для m-lle Сарры титул княгини, что о любви и привязанности не было речи и что дети князя не включены в состоявшуюся сделку. Я и Арсений присутствуем здесь из любви к отцу, а вовсе не для того, чтобы засвидетельствовать наше родство с Аронштейнами. Признаюсь, мне тяжело разъяснять вам всё это, но вы сами вызвали меня на этот разговор. Простите, однако, вон мой брат меня ищет.

Она кивнула собеседнику и пошла к Арсению, который действительно отыскивал её.

Енох проводил её мрачным и жгучим взглядом. Острое чувство, – смесь ненависти и страсти, волновали его; его самолюбие только что было жестоко поражено. Его особа не произвела, по-видимому, никакого впечатления, а Нина не обратила даже внимания ни на его демоническую красоту, ни на обворожительные взгляды, которые покоряли ему столько женщин.

– Постой, дерзкая и жестокая девчонка! Я тебе отплачу за все оскорбления, которыми ты наградила меня сегодня, – проворчал он, сжимая кулаки, и вмешался затем в толпу приглашенных.

Глава V

Несколько дней после свадьбы князь с женой сидели за утренним чаем. Одетая в чудный, вишнёвого цвета и весь покрытый кружевами капот, Зинаида Моисеевна молча пила свой шоколад, нервно ломая бисквит и искоса поглядывая на мужа. Спокойное равнодушие, с которым князь пил свой кофе и пробегал газету, по-видимому, её раздражало. Вообще она была разочарована и оскорблена неизменной холодностью и равнодушием мужа. Их пребывание с глазу на глаз всегда бывало отмечено скукой. Хотя она и добыла князя себе в мужья, тем не менее он не оказался тем пылким любовником, рабом её красоты, о котором она мечтала. Не будучи в силах сдерживать дольше своё раздражение, она порывисто оттолкнула чашку.

– Когда ты кончишь своё чтение, я хочу поговорить с тобой, Жорж. Князь немедленно отложил газету.

– Что тебе угодно? – вежливо спросил он.

– Во-первых, я крайне недовольна Ниной. Она очень странно держится в отношении меня.

– Пожалуйста, выскажись яснее.

– Так вот. Завтра мой приёмный день, и многие из близких приедут меня навестить. Я выразила желание, чтобы она помогла мне принять гостей, а на это Нина холодно ответила, что ей нельзя исполнить моё желание, так как она едет в

консерваторию и останется там до обеда. Ясно, что она считает ниже своего достоинства принимать моих близких.

– Я не судья чувствам моей дочери и предоставляю ей полную свободу распоряжаться своим временем; но относительно консерватории Нина сказала правду; она проходит там курс, и отвезёт её туда m-lle Элиз. Нина серьёзно занимается музыкой, и я нахожу вполне естественным, что она не пожелала пропустить урок для приёма твоих гостей, что ты легко можешь сделать и сама.

– Ты находишь? В таком случае оставим это, – с неудовольствием заметила Зинаида Моисеевна. – Теперь, скажи на милость, когда же мы начнём делать визиты? У нас их больше сорока, и следовало бы, по-моему, установить очередь.

– Сорок визитов? – повторил князь, изумлённо смотря на жену, и вдруг громко расхохотался, что очень её смутило.

– Дорогая Зина, я предполагаю сделать двенадцать, пятнадцать визитов, самое большее. Если в твой многочисленный список включены все те, кто были на свадьбе, то должен тебя разочаровать. Я вовсе не намереваюсь делать их близкими знакомыми. Две-три семьи твоих родных я готов принимать, но отнюдь не весь «ноев ковчег», который видел у твоего отца. У меня взрослая дочь, и в моём доме могут бывать только люди моего положения. Кстати, если уж мы коснулись этого вопроса, так объяснимся раз навсегда.

Я женился на тебе, несмотря на твоё происхождение, а что

это было тяжёлой жертвой для моего самолюбия, не составляло тайны ни для тебя, ни для твоих родных. Теперь ты – княгиня и принята в моём обществе; так постарайся же сойтись с этим миром и приобрести хороших знакомых, если уж не друзей. Но не навязывай, пожалуйста, ни мне, ни моим детям людей с подозрительным прошлым, которые чересчур отличаются от нас.

Слушавшая его с раскрасневшимся лицом Зинаида стремительно вскочила с места и стала нервно ходить из угла в угол.

– А! Ты уже кидаешь в лицо презрение ко мне и моему народу, – сказала она сдавленным от слёз голосом. – Ой, как бабушка Фейга была права, говоря, что я буду парией в твоём доме, что любовь твоя – лживая, что я буду разлучена с близкими и могу видеться с ними только крадучись, воровски.

Князь тоже поднялся, и голос его звучал строго, а глаза глядели холодно на жену.

– Избавь меня, пожалуйста, от сцен и вытри свои слёзы, которым нет причин. Ты не права, обвиняя меня в обмане: я никогда не говорил, что женюсь на тебе по любви, потому что я тебя никогда не любил. Не стану перечислять все грязные махинации, которые проделывал твой достойный родитель, чтобы меня разорить, он же сам и предложил устроить мои дела, поставив условием наш брак. Он хотел, чтобы ты была княгиней, и вот теперь ты ею стала. Я выполнил поставленное мне обязательство и только. Но, повторяю, из-

бавь меня от сцен и слёз; я вовсе не расположен их выносить. Пользуйся преимуществами, которые тебе даёт этот брак, и будь довольна. Я не запрещаю тебе принимать родню, потому что не желаю стеснять твою личную свободу, но требовать, чтоб и Нина участвовала а этих твоих приёмах, было бы уже слишком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.